

К 60-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Редакция журнала «Вопросы статистики» поздравляет читателей с 60-летием Победы в Великой Отечественной войне. Глубокую благодарность и признательность мы выражаем ветеранам - участникам войны и труженикам тыла. Ниже публикуются воспоминания ветеранов статистики - участников Великой Отечественной войны.

НА ФРОНТЕ С «КАТЮШЕЙ»

А.В. Невзоров,

участник Великой Отечественной войны

Война резко изменила нашу жизнь. Отца сразу же призвали в армию. В боях под Ржевом он был тяжело ранен и после войны умер. Я в 16 лет пошел работать на военный завод № 73 учеником, а затем - фрезеровщиком. Как и все, работал тогда по 12 часов в сутки без выходных. За выполнение и перевыполнение нормы в столовой давали бесплатный обед. Завод выпускал корпуса для снарядов минометных установок «Катюш».

В мае 1942 г. по призыву ЦК ВЛКСМ я написал заявление в райком и пошел добровольцем в армию в 17 лет, то есть на год раньше призывного возраста. Определили меня в создаваемые части ракетных войск, оснащенных новым грозным оружием БМ-13, названным впоследствии «Катюшей». Наш полк формировался в школе № 365 в Сокольниках. После ускоренного обучения в августе 1942 г. мы выехали на фронт и через несколько дней выгрузились на станции Бударино, примерно в 70 км от Сталинграда.

На рассвете 27 августа дивизионы полка встали на боевые позиции в 2-3 км от передовой линии войск северозападнее Сталинграда, дали первый залп по врагу и быстро отъехали на выжидательную позицию в степной балке. Залп полка «Катюш», состоящего из 24 боевых машин, - это 384 снаряда по 42,5 кг каждый, выпущенных одновременно за 10-12 секунд. Залп накрыл скопления немцев, там все было в огне и дыму.

На место, откуда был произведен залп, обрушился шквал артиллерийского и минометного огня. Гитлеровцы стремились уничтожить страшное для них оружие, но «Катюш» там уже не было.

А на выжидательную позицию набросились немецкие самолеты. Зенитных средств защиты и авиации в нашем районе не было. Степные безлесные балки - плохое укрытие, и самолеты противника беспрепятственно бомбили и расстреливали нас. Мы могли ответить только из карабинов и противотанковых ружей. Степь во многих местах горела, горели провода связи. Более 50 самолетов, в том числе и самолет-разведчик «Рама», весь день кружили над нами. Только в нашем первом дивизионе были разбиты две боевые машины, несколько человек были убиты и 18 ранены. От страшной боли при ранениях с повреждением

кости солдаты даже кричали. Пострадали, в основном, молодые ребята, которые по неопытности или лености не успели вырыть окопчики, щели. Большинству из них было только 18 лет, а некоторым - даже 17. Для всех это был страшный, но важный урок: чтобы сохранить жизнь - надо много трудиться. Все мы вновь обзавелись лопатами, кирками.

Впоследствии мы лучше спасались от нападений самолетов. Более того, нашему соратнику Виктору Трапезникову удалось подбить вражеский самолет бронебойной пулей из противотанкового ружья. К сожалению, позже он погиб в Прибалтике. После войны я был у его родных в г. Березовском Свердловской области.

Должен пояснить, что при формировании полка в каждом дивизионе был предусмотрен взвод противотанковых ружей, и я был первым номером. У нас были пятизарядные ружья Симонова.

Используя превосходство в танках и самолетах, немцы рвались к Сталинграду. Полк поддерживал оборону наших войск между станцией Котлубань и Волгой. Затем нас перебросили на левобережье (с. Погромное), откуда били по немцам, а через два дня мы переправились на остров Сарпинский напротив Сталинграда. Тяжелые бои проходили в сентябре, особенно 13 сентября, когда начался штурм города. Он весь был в огне, горела нефть из разбитых хранилищ, стекая в Волгу. Днем и ночью над Сталинградом висело черно-красное зарево дыма и пыли от разбитого кирпича. Были дни, когда дивизион давал по четыре-пять залпов по врагу, пресекая его попытки раздавить наши части.

Кроме нас, действовали еще несколько полков «Катюш» и ствольной артиллерии. Немцы понесли большие потери в живой силе и технике, но и нашему полку был нанесен немалый урон: было убито семь человек и 20 ранено, выведено из строя семь боевых машин, из них две разбиты от прямого попадания снарядов. По данным штаба полка, в сентябре полк произвел 36 дивизионных залпов. Ими было уничтожено более 5,5 тыс. солдат и офицеров противника, подбито 47 танков, 63 автомашины, подавлено 13 артиллерийских и минометных батарей, шесть складов с боеприпасами и горючим. В своих воспоминаниях командующий Сталинградским фронтом маршал А.И. Еременко писал:

«Большое значение в прочности обороны сыграла реактивная артиллерия - гвардейские минометы «Катюши».

Как выяснилось, немцы в ходе войны неоднократно пытались создать такое же грозное реактивное оружие. Еще в конце 1941 г. им удалось захватить боевую машину БМ-13 и снаряды к ней, но они так и не смогли разгадать ее секрет. Сама боевая установка очень проста и монтировалась на трехосных машинах «ЗИС», потом на двухосных машинах «Додж» и канадских «Фордах». Но они не выдерживали нагрузки и быстро ломались. Самыми лучшими и надежными были трехосные «Студебекеры». Весь секрет состоял в особом порохе, изобретенном выдающимися советскими учеными.

У немцев были свои реактивные установки в виде шести-, восьми- и 10-короткоствольных минометов небольшого калибра с большим разбросом и дальностью стрельбы всего 3-4 км. Мы захватили много этих установок при наступлении и могли сравнить их с нашими. Наша «Катюша» имела 16 длинных направляющих (более точных), заряжалась 132-миллиметровыми снарядами по 42,5 кг весом каждый и стреляла на 8,5 км. Кроме этой основной ракетной машины, у нас применялись также системы М-20 и М-31 с более тяжелыми снарядами для поражения блиндажей и бронетанковых целей.

С прорывом врага к Волге в сентябре 1942 г. у нас резко ухудшилось снабжение продовольствием и боеприпасами. Немцы топили корабли и баржи, горели склады. Питания не хватало. Мы на острове Сарпинском собирали недозрелые остатки овощей и арбузов. В озерцах, оставшихся после разлива Волги, мутили воду, вылавливали рыбешек и жарили их на костре. На солдатской кухне, где мы периодически были рабочими, иногда удавалось съесть по два котелка жидкой каши из подгорелой крупы. Наедались, казалось, до пуза, но есть все равно хотелось. К тому же пили плохую застойную воду. Не спасали и таблетки, которые выдавал нам военфельдшер. В результате почти весь личный состав дивизиона (особенно рядовые и сержанты) заболел какой-то желудочно-кишечной болезнью. Человек обессиливал до того, что с большим трудом натягивал брюки.

Только после переезда в Бекетовку - южный пригород Сталинграда - мы вылечились от проклятой болезни. Здесь мы получили пополнение и новые боевые машины. Ожесточенные бои в Сталинграде продолжались. Немецкие летчики почти безнаказанно летали над уже разрушенным городом, а используя весь боезапас, на низкой высоте из кабины грозили кулаком. Я видел это. Когда отдельные наши самолеты появлялись в воздухе, на них налетали стаи немецких самолетов и сбивали их. Горько было на душе.

В Бекетовке мы оборудовали выжидательную и огневые позиции. Прежде всего вырыли аппарели для укрытия боевых машин от поражения и блиндажи и щели для себя. Земля там была твердой, как бетон, и мы ее сутками били кирками и ломали под огнем противника. Да, война - это не только смертельная опасность, но и тяжелый до изнеможения труд. С этих огневых позиций в октябре и первой половине ноября 1942 г. мы били по скоплениям немцев, уничтожая их и боевую технику.

7 ноября мы отметили праздник, получили по 100 грам-

мов фронтовых. В ночь с 19 на 20 ноября мы скрытно переехали южнее Сталинграда к озеру Цаца. Вырыть аппарели для боевых машин или окопчики для себя там было невозможно, только копнешь - и тут же заливает вода. На рассвете дали залп по немецко-румынским войскам почти прямой наводкой, так как они были примерно в 800 метрах за озером. Тут же вступила наша артиллерия. Это было началом наступления советских войск южнее Сталинграда. Наши танки прорвали оборону противника. За ними пошли конница и пехота. Большого сопротивления на этом участке не оказывалось, были захвачены трофеи и тысячи пленных. Впервые мы увидели их столько. Усталые, унылые, покрытые вшами прямо под воротниками шинелей.

Население поселка и других деревень радостно приветствовало нас - своих освободителей.

После войны, недалеко от нашей бывшей огневой позиции, у поселка Цаца, установлен памятник с нашей «Катюшей» на постаменте и надпись: «Отсюда, с береговой полосы озера Цаца, был произведен залп по вражеским позициям легендарными “Катюшами” как сигнал к общей артиллерийской подготовке в контрнаступлении войск Сталинградского фронта».

Пошли и мы вперед на Запад, поддерживая огнем свежую кавалерийскую дивизию. Наш дивизион вместе с другими войсками участвовал в освобождении г. Абганеро и ряда сел. Здесь уже не было сплошного фронта, и мы двигались быстро. Войска южного крыла Сталинградского фронта соединились с войсками Донского фронта, и немцы оказались в кольце окружения.

На станции Абганеро было захвачено много трофеев. На крыльях боевых машин везли муку, а на станине - консервы. В степях вокруг стогов соломы было много бесхозных баранов. Наше питание значительно улучшилось. Но возникла новая проблема: мы длительное время находились в холодной, снежной степи, неделями не снимали телогрейки и шинели, и нас стали одолевать вши. Когда появлялась возможность, мы использовали бочки из-под бензина, отбивали зубилом верхнюю крышку, делали распорки, наливали два ведра воды и на большом костре пропаривали белье и верхнюю одежду, оставляя у костра в одних шинелях, по очереди. Хотя немного, но на какое-то время помогало.

В начале декабря немецкие войска под руководством фельдмаршала Манштейна начали большое наступление, чтобы прорвать кольцо окружения Сталинградской группы немцев. Наш дивизион был в распоряжении штаба механизированного корпуса. Мы видели, как две большие колонны немецких танков и автомашин с солдатами берут в клещи наши войска. Чтобы не допустить окружения, командование корпуса решило постепенно отходить. Из-за недостатка снарядов мы уже не стреляли залпами, а ставили по одной «Катюше» через 200-300 метров и били прямой наводкой по танкам. При этом я видел, что особого вреда немцам это не наносило, но заметно отпугивало и сдерживало их наступление на этом участке, что помогло не допустить окружения штаба корпуса и нашего дивизиона.

Ожесточенные бои с наступающими войсками Манштейна продолжались в районе речки Мышкова, где дивизи-

зион неоднократно бил по танкам и скоплениям немцев всей залповой мощью. Громила немцев и наша ствольная артиллерия. И все-таки приходилось, хотя и медленно, отходить. Стыдно было перед женщинами - жительницами деревни, которые с укором говорили нам: «Снова вы нас оставляете врагу».

Последний рубеж, до которого мы отступали, был разъезд «Заря» на дороге Ростов-на-Дону - Сталинград. Красная армия остановила Манштейна и не дала возможности прорваться к окруженной армии немцев в Сталинграде.

Командир дивизиона майор С. Степаненко взял меня (тогда я уже был в отделении разведки), и мы на маленьком броневике прибыли в распоряжение командира стрелкового полка, оборонявшего разъезд «Заря». Здесь на передовой стоял ад крошечный: были уточнены цели, скопления танков и немецкой пехоты, по которым должны ударить «Катюши». Дивизион с небольшим перерывом дал два залпа. Результаты для немцев, попавших под снаряды «Катюш», были страшными. Куски человеческого мяса, смешанные с землей и снегом, разбитая военная техника...

Ожесточенные бои против армии Манштейна шли до конца декабря 1942 г. Наш полк потерял за этот месяц 12 боевых машин или половину боевого состава, погибли и были ранены десятки солдат и офицеров, но враг был остановлен и начал отступать, а кольцо окружения в Сталинграде стало сжиматься.

Полк в составе 51-й армии пошел вперед на Ростов-на-Дону. Были освобождены г. Котельниково, Зимовники и много других населенных пунктов.

Наступая в степях Калмыкии и Ростовской области, советские войска не встречали большого сопротивления, что, по-видимому, притупило бдительность командования. Возобладала эйфория победы: быстрее вперед, на запад!!! Не избежали этого и мы. 27 января 1943 г., из-за недостатка горючего и в ожидании его подвоза, дивизион остановился в небольшом хуторе в Сальской степи. Но по требованию командира стрелковой дивизии, которую мы поддерживали, командир полка приказал слить остатки бензина из всех транспортных и штабных машин для боевых установок и двигаться вперед вместе с полком стрелковой дивизии. В селе Большая Таловка колонна остановилась. У некоторых машин кончилось горючее, а у других оно было на исходе. Утром меня направили в западную часть села для наблюдения и связи с командованием стрелкового батальона. Примерно через полчаса мы увидели движущиеся к селу немецкие танки. Я насчитал их более 20. Через село я добежал до расположения дивизиона и только доложил командиру, как в обход села с юго-востока появились 13 немецких танков с пехотой на броне. Завязался бой. Отсутствие горючего не дало возможности маневрирования боевыми машинами и стрельбы из них по врагу. Сумели выстрелить только две «Катюши». Орудийные расчеты и командиры вместе с бойцами стрелкового полка заняли круговую оборону, но не выдержали натиска врага и начали отступать. Две боевые машины, у которых еще было немного горючего, подцепили на буксир две других и выехали из села. Одну из двух оставшихся установок взорвал командир второй батареи старший лейтенант Щербаков, а другую поджег командир орудия (фамилию не по-

мню). Две установки, которые были на буксире, не спаслись и их не удалось взорвать, так как у ящиков с толом обледелели взрыватели и поджечь их оказалось невозможным. Видимо, поэтому старший лейтенант Щербаков застрелился, понимая свою ответственность.

В этом бою все же удалось поджечь два танка. Но наши потери на этот раз были больше: 57 человек попали в плен, хотя через несколько дней 55 из них убежали и вернулись в дивизион. Другая часть состава дивизиона погибла в бою или мелкими группами вырвалась из окружения. Я вышел двадцать седьмым. С каждым из нас беседовали об этом бое в особом отделе. Прежде всего проверяли: сохранил ли гвардейский знак, комсомольский билет и личное оружие.

Этот чрезвычайный случай в гвардейских минометных частях остро обсуждался вышестоящим командованием, а виновные были приговорены трибуналом к длительным срокам тюремного заключения. А командир 1-й батареи Чернявский - к расстрелу. Остатки дивизиона отвели в пос. Зимовники, где мы похоронили погибших, в том числе моего первого командира взвода противотанковых ружей лейтенанта Чичварина. Я письмом сообщил в Саратов его родным.

Между тем в полку осталось только семь боевых машин, их свели в один наш 1-й дивизион, за счет 2-го и 3-го дивизионов пополнили людьми, и мы снова пошли вперед. Дивизион участвовал в освобождении городов Батайска, Аксая, Ростова-на-Дону, Новочеркасска. Мы дошли до пос. Матвеев Курган, где в районе реки Миус немцы создали сильно укрепленную оборону, которую длительное время не могли прорвать. После этих боев в дивизионе осталось только три боевые машины и его вывели с передовых позиций.

Остатки 90-го гвардейского минометного полка в начале марта были направлены в Москву на переформирование. Мы ехали по Ростовской, а затем по Сталинградской области и видели полностью разрушенный героический город Сталинград. По дороге всюду были видны следы недавних ожесточенных сражений. Валялись искореженные, сожженные танки, орудия, самолеты, автомашины. В подтаявшем снегу виднелись еще не убранные трупы немецких солдат. После недавнего грохота войны стояла необыкновенная тишина.

В Москве наш полк разместился в здании школы № 445 по улице Кирпичной. Так был завершен мой первый период участия в войне с августа 1942 г. по март 1943 г. Это был самый трудный и тяжелый период. За это время оставшиеся в живых приобрели большой боевой опыт, сделали выводы из горьких ошибок, закалились физически и морально, что было использовано при подготовке нового личного состава и в дальнейших боях на Брянском и 2-м Прибалтийском фронтах.

В длительных боях мечтой солдата почти всегда было хорошо поесть, отоспаться, отмыться и, конечно же, встретиться с девушкой. Об этом в перерывах между боями и были среди нас разговоры, шутки, подначки. В Москве наши мечты во многом сбылись. Мы отсыпались, очищались, в первые дни ежедневно ходили в баню. В Первомайские праздники нас приглашали девушки с близлежащих фабрик, и мы вместе отмечали праздник.

С июля 1943 г. наш полк, получивший второе рождение, участвовал в боях на Орловско-Курской дуге в составе Брянского фронта. Здесь воевать было намного легче. Наступило заметное превосходство наших войск в самолетах и танках. Да и лесная местность давала нам возможность скрытно готовить огневые и выжидательные позиции. К тому же были лето и теплая осень. Потери в полку значительно сократились. Но для пехоты, передовых артиллерийских и танковых частей потери огромны, поскольку бои были ожесточенными, страшными. Чтобы остановить, ослабить наступление армады немцев, и нам приходилось биться. Первый залп мы дали в районе хутора Дудоровский, а затем уже в наступлении производили залпы по немцам почти ежедневно, иногда по 2-3 залпа в день у городов Карачев, Унеча, Почеп и других.

Около деревни Семеновка 23 августа 1943 г. после нашего залпа началась большая артиллерийская подготовка, в которой участвовали и наши самолеты. Но потом появились немецкие самолеты и сбросили бомбы на нашу огневую позицию. Я был контужен, и с 29 августа до 3 сентября 1943 г. находился в медсанчасти полка. Наш дивизион переехал с Брянского направления на Рославльское (вдоль фронта). После залпа «Катюш» и небольшой артподготовки наши войска прорвали оборону немцев. Кавалерийская дивизия и пехота пошли вперед в наступление (я впервые увидел, что конники были на небольших лохматых выносливых монгольских лошадях).

Сопровождая передовые части для корректировки огня полка и первого дивизиона, наша группа на двух автомашинах ворвалась в деревню Дубровка, в которой еще находились немцы. Обе машины подорвались на минах, а мы попали под автоматный огонь. Разведчик Прохоркин был убит, а майор Галактионов, шофер Беляков и я ранены. Меня ударило пулей, как будто дубиной, и я упал. Только две недели я находился в госпитале, а долечивался в медсанчасти полка в г. Клинцы. Полк дошел с боями почти до г. Гомеля в Белоруссии. Это был второй, самый легкий для меня период с июля до октября 1943 г. моего участия в войне, несмотря на контузию и ранение. За это время в полку было убито 15 человек и ранено в два раза больше.

В октябре 1943 г. полк был передан в состав Второго Прибалтийского фронта. Погрузились мы на станции Брянск и эшелонами выехали через Москву на Ржев и Великие Луки. Только отъехали от станции Ржев ночью, как на наш эшелон первого дивизиона напали немецкие самолеты, которые бомбили и обстреливали нас. Поезд остановился, все высыпали из вагонов через дорожную насыпь прямо в болото. Боевые установки пострадали немного, но было убито и ранено 19 человек, причем в основном шоферы.

Выгрузились мы в районе г. Великие Луки. Меня определили на место убитого шофером штабной (дивизиона) машины, хотя ездил я совсем плохо. Но, видимо, выбора не было.

В псковских лесах и болотах длительное время шли тяжелые и кровопролитные бои. Особенно запомнились бои в районе города Невель. Там немцы пытались окружить и уничтожить несколько советских дивизий и наш первый дивизион «Катюш». Оставалось «горло» шириной в 3-4 километра, которое насквозь простреливалось. Мы

понесли большие потери, но все-таки не дали окружить себя. Наши войска долго не могли здесь подавить противника, продвигались мы очень медленно. Условия войны были суровы. Мы коченели от холода, особенно ночью, и только днем отогревались у костров. Выкопать землянки в болотистой местности было невозможно. Один раз мы попробовали и ночью согреться, накрыли кабину машины плащ-палатками, поставили в ведро с водой гильзу от снаряда с фитилем и быстро согрелись, немного поспали. Но утром увидели, что сильно «закоптились». Весь день отмывались и очищали кабину. Только к лету 1944 г., с окончанием распутицы, оборона противника была прорвана. Наши войска быстро стали продвигаться вперед на Запад. Освободили все районы России, многие города Латвии. 13 октября 1944 г. заняли Ригу и вышли к Балтийскому морю, сковав большую группировку немцев в Курляндии, западной части Латвии. Здесь позиционные бои продолжались до конца войны. Было захвачено много трофеев, я в городке Огре под Ригой набрал книг на русском языке, которые потом мы читали в свободное от боев время. Жили мы в землянках с печкой, боевые машины были хорошо укрыты в аппаратах. Боевое и продовольственное снабжение было хорошим, от насекомых мы давно уже не страдали. Правда, из-за длительного переохлаждения нас одолели фурункулы. У большинства бойцов они были на шее, а у меня на спине до 30 штук одновременно, нижняя рубашка прилипала. Помогло переливание крови, когда врач брал кровь из вены и впрыскивал ее в ягодицу. Наблюдалась так называемая «куриная слепота», когда в сумерках человек почти ничего не видел. Других болезней на фронте практически не было, несмотря на суровые условия.

8 мая 1945 г. мы узнали о капитуляции Германии. Радость была неописуемой. Стреляли в воздух из всех видов оружия. Вот, наконец, и кончилась война! На нашем фронте в Курляндии была скована огромная группировка противника. Ей не позволили участвовать в обороне немецких городов, в том числе Берлина. Здесь в мае 1945 г. сдались в плен 285 тыс. вражеских солдат и офицеров, 48 генералов, в их числе был и сам командующий группой армий «Курляндия» генерал Гильберт.

Я не совершал героических подвигов, но как и миллионы других советских солдат, прошел войну достойно. Выполняя свой долг, никогда не уклонялся от активного участия в боях и вместе с другими обеспечивал боеспособность полка. В обороне и наступлении наш 90-й гвардейский минометный полк уничтожил многие тысячи врагов, сотни танков, артиллерийских орудий и минометов, автомашин и другой военной техники противника. В этом есть и мой вклад.

Фронтовики пережили не только смертельную опасность, но и тяжелый до изнеможения труд, голод и холод и другие лишения. Признаюсь, что в первых боях за Сталинград мало кто из нас верил, что останется в живых. Временами была какая-то обреченность. Только с приобретением боевого опыта, приспособлением к невероятным трудностям фронтового быта, с завоеванием превосходства в самолетах и танках у нас крепла уверенность в победе.

При всех трудностях фронтовой жизни ее скрашивали наши однополчане, обладавшие живым юмором, веселым

нравом, такие, как Дима Сергеев из Казани, москвичи Володя Терентьев, Дима Дуксин, Женя Марков. В промежутках между боями они были организаторами безобидных веселых розыгрышей, добрых шуток, иногда язвительных насмешек, чем поднимали наше настроение. К сожалению, в живых из них остался только Женя Марков.

После демобилизации мы, счастливые, оставшиеся в живых фронтовики, доучивались в школах и институтах, активно работали по восстановлению народного хозяйства страны, потерявшей в годы войны треть национального богатства. К 25-летию Победы у нас был создан совет ветеранов 90-го гвардейского минометного полка во главе с бывшим командиром батареи полковником в отставке В.Н. Васильевым. Тогда нас было еще более 200 однополчан. Мы организовали встречи соратников в местах прошлых сражений: Волгограде, Брянске, Резекне (Латвия), Моск-

ве, Калуге с выносом боевого знамени полка. Последняя встреча состоялась в августе 2004 г., в которой участвовали всего девять фронтовиков. Наш совет объединился с советом ветеранов 85-го гвардейского минометного полка. Нас часто приглашают в подшефные школы, гимназии, «дом детства» (для сирот), где мы рассказываем правду о войне, о подвигах соратников.

За последние два-три года руководством страны многое сделано для улучшения социальной жизни фронтовиков: повышены пенсии, выделяются квартиры и ремонтируются имеющиеся. Особо нуждающиеся и одинокие получают предметы длительного пользования. Мы чувствуем почет и уважение. В то же время остается недооцененным огромный вклад в Победу другой части ветеранов войны - работников тыла. Без их самоотверженного труда не было бы никакой Победы.

ДОРОГАМИ ВОЙНЫ

Л.И. Нестеров, *д-р экон. наук,*
участник Великой Отечественной войны

Спустя неделю после начала Великой Отечественной войны тысячи московских комсомольцев начали направлять на возведение оборонительных сооружений на дальних подступах к городу. Только что окончив девятый класс в неполных шестнадцать, наш класс откликнулся на призыв принять участие в отражении нашествия немецких войск на территорию нашей Родины.

Ребята из нашей 118-й московской школы собрались на Белорусском вокзале, где формировался эшелон комсомольцев Краснопресненского района. Рядом грузились воинские эшелоны. Царила атмосфера сознания нашей причастности к происходящим важным событиям. В наших «сидорках» лежала пара белья и немного продуктов на дорогу. Представитель райкома комсомола сформировал группы и выделил старших по теплушкам, в которые мы погрузились поздно вечером, и состав ушел в ночь. Никто толком не знал, куда мы едем среди обгонявших нас эшелонов военной техники, укрытой брезентом на платформах. На третьи сутки мы добрались в Сухиничи, где долго стояли и по радио слушали обращение И.В. Сталина к народу о том, что наше дело правое и победа будет за нами.

Под впечатлением от этого обращения еще несколько дней мы продвигались на Запад и, наконец, на станции Рославль выгрузились и направились в район пересечения реки Остер с Варшавским шоссе, где уже командовали военные инженеры и где предстояло возвести укрепленный район. Работали посменно день и ночь, оборудовали противотанковые рвы с огневыми точками для сплошного обстрела всей территории. Днем стали налетать немецкие самолеты-разведчики, гонявшиеся за нашими ребятами, пытались их расстрелять. Несколько имевшихся установок счетверенных пулеметов смогли подбить пару стервятни-

ков и отвадили их от бреющих полетов. По ночам слышался злобный гул немецких бомбардировщиков, летевших на Москву, а затем разрозненно возвращавшихся обратно.

Внезапно в один из дней за нами приехали грузовики и лесными дорогами эвакуировали, ибо в нашем тылу немцы сбросили большой десант с танкетками и перекрыли шоссе. Так мы оказались под Малоярославцем, где производилось возведение другого укрепленного района. Там уже работали москвичи и местные жители, отрывая противотанковые рвы и оборудуя блиндажи и огневые точки по берегам речки Лужи около шоссе. В лесах вокруг дислоцировались воинские части с зенитными батареями.

Над ними часто днем также на большой высоте кружили немецкие самолеты-разведчики. Наши зенитчики активно очищали небо от немецкой авиации и позволяли вести строительные работы. Когда стали завершаться наши работы и проводилась маскировка всего объекта, немецкие самолеты стали массированно бомбить регион, но получили мощный отпор.

В конце августа мы вернулись домой и активно включились в дежурства на крышах во время воздушных тревог, и при разбрасывании немецкими единичными прорвавшимися самолетами «зажигалок» сбрасывали их с крыш на землю, где их тушили песком.

Продолжались занятия в школах. В сентябре московские комсомольцы приняли активное участие в уборке урожая в Подмоскovie. Нашей школе выделили совхоз Уваровского района, по пути в который мы побывали на Бородинском поле, вспомнили свою героическую историю. В ноябре 1941 г. наша армия разгромила большую группировку немецких войск под Москвой, начав освобождение Подмоскovie.

Наша учеба в школе продолжалась до марта 1943 г., когда «в неполные восемнадцать» военкомат направил многих в действующую армию. Мне выпала судьба попасть на Южный фронт в войска связи. В составе 14-го Отдельного линейно-кабельного батальона участвовал в обеспечении связи Ставки Верховного главнокомандующего со штабами армий. Наша часть восстанавливала в то время линии связи от Волгограда до Ростова-на-Дону и на Москву. Особо запомнился мне период эксплуатации узла связи на станции Лихая осенью 1943 г., когда шли упорные бои по прорыву Южного фронта от Таганрога на берегу Азовского моря до города Ворошиловграда, особенно на реках Миус и Кальмиус. Две с лишним недели шли ожесточенные бои. Поэтому велика роль узла связи на станции Лихая, являвшейся не только железнодорожным узлом, но и важным узлом линий связи.

Этот узел располагался рядом со станцией в сплетении железнодорожных путей, между которыми стояли 20-метровые столбы с проводами магистральных линий связи. Учитывая это обстоятельство, немецкое командование каждый вечер со своих самолетов сбрасывало тяжелые бомбы на входные и выходные пути, а также массу мелких бомб на линии связи, пытаясь парализовать эти центры, что усилилось в период штурма наших войск. Так что ночью в темноте мы забирались на столбы и ликвидировали обрывы проводов временными кабелями. Днем восстанавливали постоянную связь. Для решения проблемы оборудовали на окраине поселка специальной блиндаж и обходное кольцо, что обеспечивало непрерывность связи перед прорывом фронта. Немцы обнаружили наш блиндаж и начали массированно сбрасывать сотни мелких бомб с самолетов. После налетов мы насчитывали до десятка мелких воронок между опорами линии связи.

В один из темных вечеров во время налета раздался душераздирающий крик ребенка, который вышел из жилого поселка, попал под бомбы и получил ранение живота осколком бомбы. Пренебрегая опасностью, мы спустились со столбов, где в тот момент было безопаснее, нашли мальчика и принесли его в блиндаж. Там ребенку сделали перевязку индивидуальным пакетом, а затем на плащпалатке отнесли его в медсанчасть батальона железнодорожников, которые располагались недалеко и вместе с нами поддерживали непрерывность функционирования узла. После этого мы вернулись к своим обязанностям, а днем заглянули в медсанчасть проведать мальчика, но ранение, увы, оказалось смертельным...

Прорыв завершился окружением большой группировки войск противника и стремительным броском на город Сталино (Донецк), когда с передовыми частями наш батальон протянул линию связи ставки в этот важный город, от которого начали налаживать связь со всеми городами Донбасса.

Дальнейшее успешное развитие боевых действий наших войск 3-го и 2-го Украинских фронтов обеспечивалось бесперебойной связью и способствовало завершению освобождения всей территории Украины.

Затем нашу часть перебросили на 2-й Белорусский фронт, на котором также требовались устойчивая связь и восстановление разрушенных магистралей, особенно на

шоссе из Ленинграда на Одессу, которые практически были уничтожены за период многомесячной позиционной войны в лесных чащах вековых сосен, которые ураганным артиллерийским огнем были наполовину уничтожены с обеих сторон линии фронта, а также находились в полосе сплошных минных полей и в болотах. Эти минные поля сохранялись нетронутыми с весны, когда началось быстрое освобождение Белоруссии после «Бобруйского котла».

Нашей части поставили задачу восстановить магистраль связи из Ленинграда на Одессу, соединив штабы всех фронтов. Эта трасса пролежала через вековые сосновые леса и болота в сплошных минных полях, которые остались нетронутыми. По пути к новой дислокации в августе 1944 г. вдоль шоссе между Гомелем и Могилевым по обеим сторонам нашим взорам предстали сотни непогребенных солдат в зимней одежде. Именно эти участки поручили нашему взводу. Вместе с командиром взвода мы были самыми молодыми, и именно нам предстояло сделать проход в минных полях под новую трассу связи. Фронтовые саперы обозначили границы наших минных полей, но с немецкой стороны таких обозначений практически не было.

Изготовление «шупов» вместе с длинным тросом из проводов заняло минуты. Начали с немецкой стороны, осторожно прощупывали землю и выявили первый корпус мины, вывинтили верхний взрыватель и прощупали руками весь корпус. Боковых взрывателей не обнаружили и привязали к ручке трос, за который вытянули без взрыва первую мину. Таким же образом нашли вторую, третью и четвертую мины. Ключ минного поля был установлен, и производилось дальнейшее разминирование всех выявленных минных полей, установленных немецкими саперами. Противотанковые мины чередовались с противопехотными, из вынутых обезвреженных сотен мин образовали заборчики разминированных полей для трассы.

Аналогичным образом шло разминирование бывших боевых позиций и с нашей стороны. Вынутые обезвреженные мины решили использовать для удаления вдоль трассы остатков деревьев, которых насчитывалось сотни. Это значительно ускорило выполнение задания. Осталось лишь несколько сосен, которые можно было обхватить только вдвоем. Но и они были удалены. В самом конце у нас остался лишь небольшой кусок бикфордового шнура, которым поджигали толовые шашки и взрывали мины. Под последний ствол также положили противотанковую мину, но толовая шашка не взорвалась. Вторая попытка, с другой миной, также не удалась. С оставшимся 10-сантиметровым куском бикфордова шнура рискнули все же подложить еще одну мину и взорвать. Недалеко был маленький окопчик, куда можно было прыгнуть. Я поджег и бросился к окопчику, но под ноги попал кругляк, и я упал. Падая, я машинально переворачивался и, когда оказался в окопчике, прогремел взрыв. Из-под сосны, оглушенный, я попал в объятия обрадовавшихся товарищей.

Впереди были еще десятки заданий, затем два месяца в эвакогоспитале в г. Могилеве, двухнедельный отпуск в Москву. Там в начале мая 1945 г. меня и застало известие о взятии Берлина и окончании войны, а также перевод в войска Московского военного округа, где я прослужил еще пять лет и демобилизовался в 1950 г.